

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ» КАК ЗАКАТ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ? (Переводчица Достоевского Лесс Кэррик в переписке с Освальдом Шпенглером)¹

Освальд Шпенглер и Россия — тема отнюдь не новая. Интерес Шпенглера к русской культуре и его русские контакты не раз становились предметом публикаций и исследований². И все же материалы, представленные в настоящей статье, проливают на некоторые страницы «Заката Европы» свет довольно неожиданный. Уже прочитав первое из публикуемых ниже писем, внимательный читатель «русских» страниц Шпенглера не сможет не узнать в нем непосредственный источник шпенглеровского анализа различий между русской «безвольностью» и «фаустовской» волей, шпенглеровского анализа понятий «судьбы», и «неба», и русской «братской любви», устремленной «горизонтально» — к «братьям», рассеянным по «бесконечной равнине», страдающим под тем же гнетом темной «судьбы», и т. д.³ И на этом сходства далеко не кончаются.

Забегая вперед, сразу скажем, что корреспондент Шпенглера был так скромнен, что не только не требовал от него ссылок на источник всех этих наблюдений и гипотез, но и настаивал на том, чтобы Шпенглер по собственному усмотрению отобрал и использовал материалы, предоставленные в его распоряжение. Более того, этот скромный корреспондент так и не внял совету Шпенглера напечатать собственную

¹ Настоящая публикация основывается на материалах издательского архива «R. Piper & Co.», в настоящее время хранящегося в Немецком Литературном архиве в Марбахе-на-Некаре (DLA Marbach). За разрешение воспользоваться этими материалами я приношу глубокую благодарность издательству Пипер и в особенности Немецкому Литературному архиву, поддерживавшему мой проект Марбахской стипендией (Marbach-Stipendium), а также стипендией имени Герды Хенкель (Gerda Henkel Stipendium für Ideengeschichte). Кроме того, я сердечно благодарю госпожу Дорит Круше (DLA), любезно предоставившую в мое распоряжение папки с неизданными и тогда еще не каталогизированными письмами Лесс Кэррик к Шпенглеру.

² См., например: *Ulmen G. L. Metaphysik des Morgenlandes: Spengler über Rußland // Spengler heute. Sechs Essays / Mit einem Vorwort von Hermann Lübke.* Hrsg. von Peter Christian Ludz. München, 1980. S. 123–173; *Werner X. Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger über russische Literatur, Zeitgeschichte und soziale Fragen.* Hamburg, 1987; *Conte D. Oswald Spengler: Eine Einführung.* Leipzig, 2004. S. 35–36.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte.* Bd. 2: Welthistorische Perspektiven. München, 1922. S. 362–363 (сноска 1).

книгу о России, хотя совет философа был выражен в чрезвычайно лестной форме: «Насколько я знаю литературу о России, с этими листками ничто не идет в сравнение. И поскольку я знаю, как важно наконец-то осмыслить Восток из самых его глубин, я хотел бы Вам предложить подумать об издании книги о России (скажем, “*Душа России*”)⁴».

Этим скромным корреспондентом Шпенглера была его мюнхенская знакомая, переводчица Элизабет (Лесс) Кэррик (Kaerrick; 1886–1966), которая перевела под псевдонимом «E. K. Rahsin» большую часть текстов для первого немецкого Полного собрания сочинений Достоевского, вышедшего в свет в 1906–1919 гг. в мюнхенском издательстве «R. Piper & Co.» в 22 томах под совместной редакцией Артура Мёллера ван ден Брука (1876–1925) и Дмитрия Мережковского. Мёллеру она приходилась свояченицей, сестрой его второй жены, в девичестве Люси Кэррик (1877–1965). Сестры родились в тогдашней русской губернии Лифляндии, в Пернау⁵. Мёллер познакомился с ними в Париже, где и возник в 1905 г. замысел грандиозного по тем временам издания (внимательным читателем которого был в том числе и Шпенглер). Быстро делавшийся популярным в консервативных и «младоконсервативных» кругах Шпенглер уже в июле 1918 г. знакомится с Мёллером, идейным вдохновителем и фактическим главой так называемого «Июньского клуба». Свояченица Мёллера Лесс Кэррик уже в мае 1919 г. внимательно изучает первый том «*Заката Европы*». На первых порах книга вызывает у нее такой восторг, что она пишет Мёллеру о Шпенглере как о человеке, при желании способном «раскрыть проблему Достоевского»⁶. Первые письменные контакты между Кэррик и Шпенглером относятся к концу мая 1920 г., когда по просьбе издательства С. Н. Веck она посылает философу один из томов издания Достоевского. Несколько позже между ними завязывается переписка, а в 1921 г. происходит личное знакомство. В дневниковой заметке, датированной 22 сентября 1921 г., Кэррик описывает свой первый разговор со Шпенглером, состоявшийся почти месяцем раньше, 25 августа 1921 г., в Мюнхене, в снятой ею квартире на Ландверштрассе 32-с:

⁴ См. ниже, письмо от 22 сентября 1922 г. Все цитаты во вступительной заметке, если не оговорено иначе, приводятся по прежде не публиковавшимся документам, хранящимся в DLA (A: Piper, Reinhard Verlag ° Less Kaerrick; шифры архивных единиц отсутствуют).

⁵ Биографические сведения о Лесс Кэррик см. подробнее в публикации «К истории восприятия Достоевского в Германии. Из писем немецкой переводчицы Достоевского Лесс Кэррик», подготовленной мною для очередного тома «Достоевский: Исследования и материалы», а также: *Potapova G.* «Dostojewski ist nun einmal einer von den Walfischen, die sozusagen spielend ein Menschenleben alleine fressen» (Die Dostoewskij-Übersetzerin Less Kaerrick: Versuch einer biographischen Skizze) // *Jahrbuch der Deutschen Dostoewskij-Gesellschaft.* 2007. Bd. 14. S. 39–53.

⁶ Письмо к Мёллеру от начала января 1920 г.

«В комнату быстрым, уверенным шагом вошел мужчина в элегантном плаще песочного цвета, со шляпой в руке... «Приятно познакомиться с Вами».

«Пожалуйста, не угодно ли Вам снять плащ... Может быть, Вы присядете на диван». Он снял плащ и повесил его у дверей — он был в элегантном синем костюме!.. Господи боже мой, таким — нет, таким я его себе не представляла! “Еврей?! тучный!” В полном безразличии я присела на стул у постели. Он на диван.

Как потом завязался разговор, я точно не помню. Думаю, я сказала, что должна многое поправить, потому что прежде я многое утрировала — чтобы выставить со всей наглядностью. И еще что-то вроде: “Я не знаю, сколько Вы уже прочли из моих бумаг о Достоевском”. — “Еще не все...” — “Многое в них, конечно, очень наивно...” — “Да, правда, кое-что несколько... Но многое очень хорошо”. — В ответ я пересказала ему те сведения о слове “отец”, которые сообщил мне Гарц, и т. д. Потом мы заговорили о Мережковском — Бодиско⁸... Я: “Да, но это не точка зрения”. — “Да, именно, не точка зрения. Вообще, я должен сказать — но только не в качестве комплимента, — что кроме ваших листков я не читал ни одной критической работы о Достоевском, в которой была бы определенная точка зрения...” На это я пересказала ему суждения Мережковского о Раскольникове. Шпенглер сказал, что в книгах Мережковского слово “Карамазовы” вообще не встречается. Я пересказала ему кусок из непереведенного Мережковского (почему Зосима поклонился Дмитрию, а не Ивану). Шпенглер: “Видите, как это по-европейски подумано!” О “Вечных спутниках” Шпенглер сказал: “Это о европейских величинах, о которых он, естественно, не имеет ни малейшего понятия”. — Я: “Да, особенно статья о Гёте вызывает желание сразу сбежать”. <...>

Мы заговорили о большевизме. Он: “Да, тут мы сначала должны уловиться, что мы понимаем под большевизмом...” О евреях... Я: “Мавр сделал свое дело, мавр может уходить”. — “Да, именно”. (Он живо подхватил эти мои слова.) Потом о евреях как “расе”. Шпенглер: “Мы только с недавних пор говорим о расе... Евреи, например, раньше выгляде-

⁷ Евреем Шпенглер был всего лишь на восьмую часть, причем неизвестно, знал ли об этом он сам. Позже, в годы национал-социализма, когда этот вопрос приобрел актуальность, Имперское министерство народного просвещения и пропаганды засвидетельствовало особой справкой от 17 августа 1942 г., что Шпенглер никак не может считаться евреем ни наполовину, ни на четверть (*Koktanek A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968. S. 5* (сноска); русский перевод справки см.: *Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / Пер., вст. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т. 1. М., 1993. С. 115*).

⁸ Писательница Теофила фон Бодиско (Theophila von Bodisco (1873–1950); псевдоним: Magda Kaassen), близко общавшаяся с Люси Мёллер ван ден Брук.

ли совершенно по-другому. Сегодняшние немцы — это уже не немцы былых времен” и т. д.».

Как вытекает из этой записи, Кэррик еще до личного знакомства послала Шпенглеру свои «бумаги о Достоевском» — фрагменты рукописи так никогда и не завершённого ею большого труда о типологии культур или, как она говорила чаще всего, о «психологии истории». Ее первые попытки такого рода относятся еще к началу 1910-х гг., однако важнейшим стимулом стал для нее выход первого тома «Заката Европы» (1918). В качестве отправного пункта Кэррик использовала свои наблюдения над героями Достоевского, но в целом ее замысел претендовал гораздо на большее — выстроить универсальную типологию культур как культур с патриархальной и матриархальной «человеческими парами». Чтобы объяснить эту сначала мало что объясняющую формулировку и сделать публикуемые ниже материалы более легкими для понимания, необходимо изложить некоторые общие положения, на которых основывалась Кэррик.

Строя свою культурную типологию по гендерному принципу, она, тем не менее, считала устарелым представление о «мужских» и «женских» культурах. В каждом культурном типе она усматривала как мужское, так и женское начало. Однако сами эти элементы — «мужское» и «женское» — не были в ее представлении всегда равными сами себе. Те ценности, которые в рамках одной культуры атрибутируются мужскому началу, в рамках другой культуры могут атрибутироваться началу женскому, и наоборот. В соответствии с тем, каким образом распределяются атрибуты партнеров в «человеческой паре», Кэррик подразделяла культуры на два больших класса: патриархальные и матриархальные (тем самым транспонируя в план синхронического сосуществования теорию Иоганна Якоба Бахофена⁹ о матриархате и патриархате как диахронически последовательных стадиях в развитии человеческого общества). В культурах с патриархальной «человеческой парой» мужчина — на манер ветхозаветного Иеговы — воплощал абсолютный моральный авторитет, являясь стабилизирующим началом для морально текучего, нестабильного женского партнера. Наряду с евреями Кэррик относила к этому «патриархальному» архетипу также китайцев, а в современном мире — германские народы. Напротив, для славянских народов, а исходно также для гречески-романского, «средиземноморского», культурного типа характерен был, по ее мнению, культ женщины как стабилизирующей моральной силы. Подчер-

⁹ Иоганн Якоб Бахофен (Bachofen, 1815–1887), швейцарский историк и археолог; исследуя римскую, греческую и египетскую надгробную символику, пришел к гипотезе о существовании эпохи матриархата, когда женщина занимала господствующее положение в обществе и почиталась как богиня, дающая жизнь. Нашедшая в свое время довольно прохладный прием среди профессиональных историков, теория Бахофена пережила впечатляющий ренессанс в Германии 1920-х гг. (в частности, благодаря ее переосмыслению и популяризации философом Людвигом Клагесом).

кивая «матриархальный» характер славянской семьи, Кэррик причисляет славян к «туранцам», подчеркивая их принадлежность к «туранской культуре», их противоположность культуре «арийской»¹⁰.

Сама Кэррик следующим образом резюмировала эти положения в письме к неустановленному адресату 1922 г.: «Я подошла к проблеме совершенно наивным образом — и тогда мне первым делом бросилось в глаза, что русская человеческая пара создана иначе, чем человеческая пара, представленная у Шекспира: у него мужчина — “стабильное, моральное”, женщина — “нестабильное, аморальное”; у русских — наоборот. Из этого наблюдения как бы сама собою возникла “контрапунктика”: Шекспир—Достоевский как “противоположные аккорды” и Гёте—Достоевский (как союзники). Отсюда явились и “контрапункты”: “Ветхий Завет — *русский* Христос”, а с другой стороны — бесчисленные совпадения между католическим и русским человеком, в противоположность семитско-китайско-арийскому человеку (германцы). Так я пришла к доисторически-неарийскому, к “материнскому праву” в Европе».

В современной Европе безусловно доминирует германский, патриархальный культурный тип, который, однако, находится в состоянии кризиса. Патриархальная семья и патриархальная культура должны быть разрушены и обновлены на неких новых основаниях. На смену старой Европе должна прийти «другая Европа». И русская культура с ее ярчайшим выразителем, Достоевским, выговаривает, по мнению Кэррик, решающее слово в этой революции культурных форм. Русская культура видится Кэррик как культура с несомненно матриархальной «человеческой парой» — и в то же время культура по сути своей революционная. Логическое разрешение этого кажущегося противоречия является одним из самых любопытных моментов всей культурно-типологической системы Кэррик. По ее мысли, именно в «матриархальном» обществе мужчины, необходимо уступающие «стабильную» позицию в «человеческой паре» своим партнерам, сами являются прирожденными революционерами и нигилистами (в этом смысле следует понимать ее замечание в публикуемых ниже афоризмах, что именно нигилизм и есть для русского его исконный элемент, если угодно — его консерватизм). Не признающие никакой иерархии, «матриархальные мужчины» (в терминологии Кэррик) ищут равноправных, братских отношений между людьми. В этом Кэррик усматривает начало новой

¹⁰ Популярная в истории и философии культуры рубежа веков оппозиция Иран — Туран присутствует, между прочим, и в русской историографии. О роли туранского в истории России см., например, в статье Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» (1925): «Славяне заселяли первоначально только небольшую <...> часть территории <...>. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем “туранских” или “уралоалтайских”» (Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / Ред. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1993. С. 59).

эпохи, которая придет на смену устаревшему «отцовскому праву». В том же письме 1922 г. к неустановленному адресату она писала, что простое «возвращение матриархата» она считает невозможным: «Нет! Все, во что я верю, это переход от шеститысячелетнего господства патриархата к другому типу культуры, который я позволю себе обозначить как “братское человечество” (так называемый “русский Христос”)). Характеризуя «русского Христа» как высший символ грядущей эпохи, она объясняет его себе как идею братства между «одиночками», между людьми, лишенными метафизической «вертикали». Кэррик обозначает такой тип связей и такой тип культуры как «горизонтальный тип» — в противоположность связям «вертикальным», иерархическим. «Братским человеком» по преимуществу, а значит, провозвестником новой эпохи был, по ее мысли, Достоевский, в особенности как автор «Братьев Карамазовых».

Из письма 31 августа 1921 г. следует, что Шпенглер читал материалы Кэррик еще тогда, когда второй том «Заката Европы» не был окончен и он планировал завершить его главой «Русские и будущее» («Das Russentum und die Zukunft»). Однако эту главу Шпенглер так и не написал, ограничившись введением нескольких страниц о России в раздел, посвященный «проблемам арабской культуры» (присущая последней «магическая душа», противоположная душе «фаустовской» и сродоточенная исключительно на проблемах религиозного бытия, обнаруживает, по мнению Шпенглера, избирательное сродство с русской душой). Именно в этой главе об «арабской культуре» учтены им и замечания Кэррик. В особенности это касается того обширного примечания, которое уже было упомянуто в начале вступительной заметки.

Кроме того, перерабатывая в 1922 г. первый том «Заката Европы», он вводит несколько пассажей о «русской душе» в те главы, которые посвящены проблемам «магической души». В прежней редакции это последнее определение относилось по преимуществу к культурам Ближнего Востока, и рассуждения о России вообще отсутствовали. Только начиная с издания 1923 г. в 11-м параграфе главы «Макрокосм» присутствуют слова о «бесконечной равнине» как «прасимволе» русской души, об отсутствии в ней «вертикальной» тенденции — и в особенности «кэррикианская» констатация того, что «русский начисто лишен отношения к Богу-Отцу», что «его *эмос* выражен не в сыновней, а в исключительно братской любви, всесторонне излучающейся в человеческой плоскости», что русский ощущает Христа «как брата»¹¹. В том же духе перерабатывается 3-й параграф главы «О форме души», в который вводится определение русской души как «безвольной», стремящейся «затеряться в горизонтальном братском мире», а также о противоположности между купольной конструкцией русских цер-

¹¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 1: Gestalt und Wirklichkeit. Völlig umgestaltete Auflage. München, 1923. S. 261.* Рус. перевод: *Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 368.*

квей и гордым вздыманием в небо готических соборов¹². После прочтения писем Кэррик и ее афоризмов, публикуемых в конце настоящей подборки, вряд ли могут остаться сомнения в том, что и в данном случае ее «бумаги о Достоевском» послужили для Шпенглера одним из важнейших источников концепции России.

Возможно, знакомство с культурно-типологическими построениями Кэррик не прошло бесследно и для работы Шпенглера над его последующим большим трудом о «ранней поре мировой истории» («Frühzeit der Weltgeschichte»), завершить который он так и не успел. Дело в том, что на первый план в культурно-философских представлениях Шпенглера теперь выдвигается «туранская» культура, характеризующаяся им как культура, строящаяся на героизме одиночек¹³. При том, что географически и по ряду других признаков Шпенглер определяет «туранскую» культуру иначе, чем Кэррик, само выдвижение на первый план этого обозначения, возможно, стояло в некоторой связи с гипотезами его корреспондентки. Однако в рамках настоящей заметки рассмотреть этот вопрос подробнее не представляется возможным.

Из необходимых фактических подробностей следует упомянуть, что архив Кэррик после ее смерти в июне 1966 г. поступил в издательство Пипер, где и хранился в неразобранном виде вплоть до передачи всей старой части издательского архива в Марбах-на-Некаре, в Немецкий Литературный архив. Если не считать незначительных выдержек, имеющих прямое касательство к практической стороне издания Достоевского и опубликованных десять лет назад в монографии Кристофа Гарстки¹⁴, настоящая публикация является первой попыткой представить читателю эту незаурядную женщину.

Публикуемые ниже материалы разделены на три блока: 1) переписка Кэррик со Шпенглером; 2) сохранившиеся фрагменты ее «бумаг о Достоевском»; 3) подборка афоризмов, записывавшихся Кэррик на маленьких обрывках бумаги (четвертинках страниц из записных книжек). При том, что собственно «бумаги о Достоевском» в той форме, в какой их читал Шпенглер, в архиве не сохранились, именно последняя часть публикации способна дать некоторое представление о том, какой могла видаться Шпенглеру книга Кэррик, которую он советовал ей издать «в свободной афористической форме».

¹² Там же. S. 398. Рус. перевод: Т. 1. С. 489.

¹³ Conte D. Oswald Spengler. S. 72–74.

¹⁴ Garstka Ch. Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906–1919. Frankfurt am Main u. a., 1998 (специально о Лесс Кэррик — S. 66–70).

1. Из переписки

[Кэррик — Шпенглеру]
[после 21 мая 1920¹⁵]

<...> Я не хочу предпринимать здесь никаких «попыток», и более того, я даже не думаю, что способна выражаться понятным для всех образом. Я просто... собирала в закрома моего собственного маленького мира всякую всячину. Итак, предлагаю Вам оттуда пригоршню зерен.

Судьба. Нет, для начала что-нибудь другое. Да и со сравнениями будет проще.

Немецкие выражения: 1) *Himmel*¹⁶, 2) *Himmelsdom*¹⁷ — выражают ощущение чего-то высокого, выпуклого... «Himmelsdom» есть бесконечный купол, внутри которого все живет и движется — *вверх*, вниз, кругом, всюду... *Вверх* и вниз колонн без капителей — колонны францисканской церкви в Зальцбурге, купол Брунеллески¹⁸ на Санта Мария дель Фьоре, дрезденская Фрауенкирхе... «Himmel» — перевернутое «ich»¹⁹, некое «gegen-ich»²⁰ — *H, i.* Русское слово — «небо» — в первом слогe содержит отрицание «не»²¹.

¹⁵ Это письмо, сохранившееся в архиве Шпенглера, предназначалось его исследователем и издателем Антоном Коктанеком для публикации в томе избранной переписки Шпенглера (*Spengler O. Briefe. 1913–1936 / In Zusammenarbeit mit Manfred Schröter hrsg. von Anton M. Koktanek. München, 1963*), однако напечатано там не было, по причине несогласия Лесс Кэррик. Корректировочные листы, присланные ей для просмотра Коктанеком, по-видимому, не ожидавшим запрета пожилой дамы на публикацию старого письма, сохранились в DLA. Перевод выполнен по этому источнику; отсюда же заимствована предложенная Коктанеком редакторская датировка (хотя весьма возможно, что это письмо относится к более позднему времени, после личного знакомства Кэррик со Шпенглером в августе 1921 г.). В ответном письме Коктанеку от 6 февраля 1963 г. Кэррик поясняла, что Шпенглер интересовался ее замечаниями о переводимости и непереводаемости отдельных слов, и прибавляла: «Тогда это было модой — вот так наобум, руководствуясь собственным чувством, наощупь опробовать музыкальное звучание слов. Ничего существенного это не приносило. Это была всего лишь игра» (оригинал в DLA).

¹⁶ Небо (*нем.*).

¹⁷ Небосвод; буквально: храм неба (*нем.*).

¹⁸ Филиппо Брунеллески (1377–1446), итальянский архитектор; по его плану был возведен купол базилики Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции.

¹⁹ Я (*нем.*).

²⁰ Анти-я (*нем.*).

²¹ Этот пассаж привлек внимание А. Коктанека, который в своей биографии Шпенглера дал к нему небезынтересный лингвистический комментарий: «Не лишне подчеркнуть, что русское слово “небо”, несмотря на на-

Русский, в отличие от немца, вообще не имеет чувства неба. Да, можно прямо-таки утверждать, что у большинства немцев лицо — вследствие растяжения шейных мышц — повернуто на 45° вверх. Меж тем как русский, подобно некоторым животным, лишь с большим трудом (неохотно, по принуждению) может поднять голову вверх, может бросить вверх лишь враждебный взгляд. Русский — астроном? Ведь это же просто умора!

Вместо «Himmelsdom» он говорит «небосклон». Как ощущение, это подразумевает нечто вроде расширенного в высоту горизонта. Или (в сопоставлении с «Himmelsdom») — нижнюю половинку колпака для сыра или колпака от мух, горизонтально перерезанного посередине.

И движения вверх там вообще нет, только вниз, вниз, к земле. Что лежит выше плоскости среза? — Гм! — Вообще ничего. *Nihil*. Да это и не его дело. Думаю, в «Сне смешного человека» немец многое прочтет не без легкого изумления. Я имею в виду эту ревнивую любовь именно к нашей Земле. Весь полет направлен не отсюда куда-то, а откуда-то сюда... Так. Все это как вводные замечания к разъяснениям о «судьбе».

В немецком слове «Schicksal» заложено все то же сильнейшее ощущение связи со «сверхземным», и одновременно — изреченное «да», изреченное приятие того, что совершается с человеком...

(Когда в 1914 году пришла весть о первой победе Гинденбурга под Танненбергом²², один простой ремесленник в Штеглице сказал: «Другие не понимают нашей свободы! Не понимают, что именно порядок и есть наша свобода!»)

Это недвусмысленно формулируют поэты. Даже если не говорить о классиках. Дойблер, например, влагает в уста своему Кан Гранде: «Что я влачу, не знаю сам. То, что я есть, то выбрано лишь мной. И эти узы мне — свобода, жизни долг...»²³ А Эрнст Барлах — бессознательно для себя в полном согласии с Эйнштейном — выразил эту взаимосвязь чувства целого и некой непередаваемой в словах внутренней уверенности в драме «Бедный кузен»²⁴. Это приятие,

чальное “н”, не содержит в себе отрицания — так же, как родственное ему немецкое *Nebel* (туман. — Г. П.), греческое *nephelē* и санскритское *nabhas*) (*Koktanek A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit. S. 260*).

²² В сражении под Таннебергом 26–31 августа 1914 г. маршал Пауль фон Гинденбург нанес поражение русской армии, вторгшейся в Восточную Пруссию.

²³ Из драмы Теодора Дойблера «Кан Гранде» (1919). Правитель Вероны Кан Гранде I делла Скала (1291–1329) был важной фигурой в политической и культурной жизни Италии начала XIV в.

²⁴ «Бедный кузен» («Der arme Vetter», 1918), драма Эрнста Барлаха; Барлах был в дружеских отношениях с Мёллером ван ден Бруком; к 1915 г.

основывающееся на вере в великий смысл, стоящий за всем на свете. (А стало быть: основывающееся на вере в порядок). Да, здесь Гегель мог спокойно изречь свое «все действительное разумно».

Способен ли человек, исходящий из этого круга ощущений, понять конец поэмы Ивана Карамазова о Великом Инквизиторе или его Черта? Не скажет ли он, не должен ли он, в согласии со своим подлинным существом, сказать о конфликте Ивана что-нибудь вроде Кэтхен фон Хайльброн: «Глупенький, ведь ты (его) любишь!»²⁵ Только так я могу объяснить себе все, что до сих пор было сказано об Иване на немецком языке.

Квинтэссенция немецкого ощущения «Schicksal»... должна действовать на русского как красная тряпка на быка. В русском слове «судьба» нет *ничего* от всего вышесказанного, ничего от *смысла*, с которым человек мог бы согласиться, ничего от уз, соединяющих человека... с Богом, что стоит за всем этим. Напротив, для них это слово выражает ощущение какой-то второразрядной или третьеразрядной силы, обитающей где-то не выше уровня облаков, — силы, которая по собственному *произволу* направляет человека, влечет его, водит туда-сюда — как наживку на крючке, погруженном в воду.

Это ощущение удара в лицо. И оно незамедлительно вызывает ответный удар: «Все позволено!». Краска стыда от нанесенного оскорбления, и сразу вслед затем: «Кто смеется там над нами?»²⁶

Эта «судьба» в последний момент влечет Раскольникова, против его воли, к убийству, приводит Мышкина назад в гостиницу, где ждет его Рогожин с ножом, и т. д., и т. д.

(Между прочим, хоть я и не хотела бы критиковать перевод Феофанова²⁷, в оригинале Раскольников выражается более... взрывчато. Прежде всего парочка жаргонных выражений, вроде того, что «ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого»²⁸, или примерно так. Эта частность только

относится его знакомство с Кэррик и начало их короткого романа. См. упоминания о Святой (die Heilige) в дневнике Барлаха (*Barlach E. Güstrower Tagebuch 1914–1917. München 1981. S. 87, 204, 253, 263, 293f., 300f., 356f.*).

²⁵ Драма Генриха фон Клейста «Кэтхен фон Хайльброн» («Das Käthchen von Heilbronn», 1807–1808).

²⁶ У Достоевского: «Кто же это так смеется над человеком?» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 124; «Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 3, гл. VIII.*)

²⁷ В переводе Михаила Феофанова, известного также как переводчик Горького, Л. Толстого и Лермонтова, вышел в пиперовском издании Достоевского роман «Преступление и наказание» (озаглавленный на этот раз «Родион Раскольников»; 1-е изд.: München, 1908; 2-е и 3-е изд. 1920 и 1922).

²⁸ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 212 (ч. 3, гл. VI).*

на мгновение вспыхивает крохотной кремневой искрой, но это искра ненависти, поистине достойная индейцев-апачей... или та самая бацилла в крови человека, «устроенного бунтовщиком»²⁹, — как Иван Карамазов справедливо говорит о русском, хоть и несправедливо о человеке.)

Ответ на *эту* «судьбу» — последний совет Версилова: найди себе «идею», к которой бы ты мог прилепиться душой.

Ответ добрых — любовь. От человека к человеку, горизонтально, на одном уровне — под одним и тем же Ничто. То есть без немецкого чувства целостности. Любовь русских простирается только на земное. Любить звезду? Или даже луну? — Никогда! (ср. выше, об отсутствии верхней половины небесного купола). Впрочем, мне опять приходит на память Барлах: «Полная луна всегда напоминает мне большую печать... И какие же это должны быть тайны, если их так чудно запечатывают?»³⁰ Среди русских почувствовать такое, или даже просто понять, способен был в лучшем случае один только Пушкин. (Кровь мавров, немецкая прабабка. Вообще, сходство между Барлахом и Пушкиным — это для меня еще непроясненная расовая проблема).

Немецкое слово «Wille»³¹ — прямая линия, ведущая к определенному пункту. Произнося это слово, человек, наделенный европейской волей, уже выносит центр тяжести за пределы себя самого, перемещает его в точку цели.

Русское слово «воля», тоже обозначающее волю, обозначает еще и свободу. Не то чтобы эти два значения смешивались, но «свобода» — это более сильная половина, и отзвук этого значения различим даже тогда, когда русский совершенно очевидным образом говорит о «воле» [Wille]. Поэтому русский вообще не в состоянии понимать приказ как *определенную* волю (категорический императив). Так, приказ императора основывается не на законе целого универсума (см. о судьбе), но на некоем хотении, не имеющем сверхземной опоры, то есть он что-то вроде каприза. (Очень по-русски звучит одна формулировка у Брукс-Адамса³²: «Закон — воля того, у кого есть власть карать»).

²⁹ Там же. Т. 14. С. 229 («Человек был устроен бунтовщиком»; «Братья Карамазовы», ч. 2, кн. 5, гл. V).

³⁰ Неточная цитата из письма Барлаха к Кэррик от 23 сентября 1915 г. (*Barlach E. Die Briefe, I: 1888–1924. Hrsg. von Friedrich Dross. München, 1968. S. 446*).

³¹ Воля (*нем.*).

³² Питер Чардон Брукс Адамс (Brooks Adams; 1848–1927), американский историк и философ; в своем главном труде «Закон цивилизации и упадка» («The Law of Civilization and Decay», 1895) предвосхитил некоторые тезисы Шпенглера (циклическое развитие культур; упадок Европы, переживающей последнюю фазу своего развития; будущие перспективы Америки и Рос-

«Воля» означает приблизительно: «я хотел бы, но точно не знаю чего». К тому же в этом слове слышится ощущение свободы, бескрайней равнины, по которой можно носиться туда и сюда, сколько душе угодно.

Говоря о воле Ленина, приводящей самих русских в ошеломление, Горький и другие используют заимствованное слово: «мужественный волюнтаризм большевиков»...

Чернышевский, хорошо владевший немецким и английским языками и занимавшийся переводами, почувствовал эту разницу и практически сконструировал слово «хотение», чтобы каким-то иным словом выразить всю собранность европейской воли. Однако и в русском хотении есть что-то от себялюбия, от обращенности на себя самого, есть что-то центростремительное. Это больше похоже на немецкое «mögen» — я хотел бы [*ich möchte*].

«Geist» — e, i, s, t = четырехкратное повышение. В этом слове — колоссальная сила насоса, качающего *ввысь*. На какой бы предмет ни устремлялся этот дух, пусть даже в глубочайшую бездну, кривая его движения сначала всегда идет вверх, в мозг или в надземную атмосферу, и уже оттуда направляется — абсолютно куда угодно.

Русское слово — «дух». Линия его движения обязательно горизонтальна. От человека к человеку. И «дух» обозначает в то же время: дыхание, настроение (расположение духа), молву, мужество, запах и т. д., и т. д.

Немецкое слово «Geist» сразу же локализует соответствующее представление в высшем этаже человеческого тела, в мозгу. Русское слово «дух» локализует его в области легких. Поэтому русский, если речь идет о чем-то мысленном, «абстрактном», мозговом (то есть «духовном» в немецком употреблении этого слова), никогда не скажет «в духе», а скажет просто «в мыслях». Русский «дух», собственно говоря, не абстрактен. У них это больше вопрос темперамента. Горизонтальное искание...

Но мне пора кончать. Сжать суть в *одно* слово — мне это кажется невозможным, по некоторым причинам. Но ведь язык не единственное выражение народа. Греческая архитектура — это для меня то же самое, что в сфере мышления «логос». Именно *греческая* архитектуроника, не рококо. Или Лао-цзы и его «существование + еще одно существование + еще одно существование». Это последовательное нанизывание, без обобщения, этот путь (пусть даже путь вверх) — разве не явлен он в пагоде?

сии). Ср. приведенную цитату в немецком издании, которым пользовалась Кэрик: *Brooks Adams. Das Gesetz der Zivilisation und des Verfalles. Wien; Leipzig, 1907. S. 127.*

Вы пишете: «В скором времени, может быть, будет написано одно исследование о Достоевском». Написано кем — Шпенглером? Простите мне этот вопрос³³.

В этом послании, таком неимоверно длинном, я, наверное, сказала что-то, чего не стоило бы говорить. Все это — только следствие долгого вчувствования в различия между языками — и размышлений о том, что всякое различие имеет свою причину. Не заложен ли кальвинизм уже в слове «*destinée*»³⁴, не то же ли это, что «*mécanique céleste*»³⁵? Не скрыто ли в слове «*esprit*»³⁶ искусное стило, тончайшим образом подчеркивающее, анатомирующее, рисующее, гравирующее на меди? И в вибрации «*n*» в «*ich bin*»³⁷ все то же, что слышится в «*All*»³⁸ и «*Schicksal*»? Все это «непереводимо»! Но не должно ли истолкование народной сущности — подобно гаданию по линиям руки — именно сегодня сделаться одним из немногочисленных и тем не менее необходимых орудий в борьбе с дилетантизмом справа и слева?

Всего доброго! В спешке и с наилучшим приветом
Лесс Кэррик

[Кэррик — Шпенглеру]
Титмонинг, 31 августа 1921

Глубокоуважаемый господин Шпенглер!

В Вашем письме от 26-го Вы спрашиваете, могли бы Вы «позже еще раз прочитать» сшитые бумаги. Но сшиты были первоначально только бумаги из последней пачки, № IV, стр. 26–31. Только эту порцию я хотела получить назад, чтобы дать ее на прочтение одной даме. Она — женщина, и могла бы сказать мне, может ли человек, понимающий что-то в этих вещах, читать все, что я там написала о женских образах у Достоевского, или это вызовет у него только приступ веселья.

Теперь Вы, вероятно, еще до получения моей открытки («еще вчера вечером») прочитали эти страницы и тем самым — —

³³ Надежды на то, что Шпенглер напишет книгу о Достоевском, Кэррик выражала уже в письме к Мёллеру от января 1920 г.: «Что касается этого пресловутого Шпенглера: это для меня теперь вопрос жизни и смерти — не сможет ли этот человек в конце концов решить проблему Достоевского!!! Ах, если бы так!!!».

³⁴ Судьба (*франц.*).

³⁵ Небесная механика (*франц.*).

³⁶ Дух (*франц.*).

³⁷ Я есмь (*нем.*).

³⁸ Всё (*нем.*).

Я сама просмотрела их только мельком — и увидела, как многого там недостает. Все должно быть переработано от А до Z и по крайней мере разборчиво переписано (печатать здесь для меня никто не может). К сожалению, я сама пока совершенно не могу над этим работать. Поскольку квартира женщины, у которой я здесь живу, к 1 октября должна быть освобождена, я еще не знаю, куда меня забросят нынешние обстоятельства (быть может, в Данию, Швецию и т. д., и в таком случае навсегда) и как дальше будет выглядеть моя работа над «Карамазовыми».

Не знаю я и того, когда Вы доберетесь до раздела «Россия»³⁹, и с некоторым беспокойством думаю о том, что пачка бумаг с деталями о России может угодить к Вам как раз посреди размышлений об истории китайской или среднеамериканской культуры. Может быть, мне просто отправить русские материалы Вашей секретарше? Возможно, они могли бы лежать у нее на хранении и она могла бы представить Вам все имеющее для Вас интерес, сделав предварительные выписки? И сообщить мне, что для Вас было бы желательно?

Кстати, в каталогах русских книгопродавцев я не нашла ничего, что обещало бы необходимые разъяснения о русских отцах церкви и о святых. Достоевский иногда упоминает, что они жили не в уединении, а в самых людных местах. (Но разве это не везде было так? Разве *одинокие* истязатели собственной плоти не были явлением религиозного декаданса?)

О русской архитектуре и народном искусстве в издательстве Piper & Co вышла небольшая книжка Элиасберга⁴⁰. Игорь Грабарь Вам, конечно, известен? Его пять томов о русском искусстве⁴¹ можно купить у Гликсмана: Рига—Берлин, SW 48, Фридрихштрассе 23, только они сейчас стоят 3000 марок. Есть ли в них что-то об устроительстве русского крестьянского дома и деревень, я, к сожалению,

³⁹ О планах Шпенглера написать главу о России в «Закате Европы» см. во вступ. заметке.

⁴⁰ *Eliasberg A. Russische Kunst. Ein Beitrag zur Charakteristik des Russentums.* München: Piper, 1915. Александр Элиасберг (1878–1924), происходивший из семьи российских немцев и активно выступавший как переводчик, перевел на немецкий язык многие произведения Мережковского, «Дневник писателя» и избранные письма Достоевского и др. Подробнее см.: *Werner X. Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger.* S. 12 (сноска).

⁴¹ Точнее, шесть томов «Истории русского искусства», изданные Игорем Грабарем при участии А. Бенуа, И. Билибина, А. Васнецова и др. (М., 1910–1913); в Германии издание распространялось издательским домом Гликсмана (Рига—Берлин). Оба библиографических указания Кэррик учтены Шпенглером при переработке первого тома (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes.* Bd. 1 (1923), S. 261 (сноска 3)).

не могу сказать. Мне вспоминается только, что во время думских дебатов о проекте аграрной реформы Столыпина и Кривошеина все время указывалось на глубокое отвращение русского крестьянина к тому, чтобы жить *одному*, отдельным двором. Тогда утверждали, что в этом состоит главное препятствие для проведения реформы (переход от общинного к частному владению). Но в конце концов нашлось немало таких крестьян, которые на это согласились. (Статистические материалы, как и все мое собрание «симптомов», в основном газетные вырезки, пропали в Лифляндии).

Пожалуй, это все, что я хотела написать сегодня. Я знаю, как много времени отрывают письма, поэтому сообщите, пожалуйста, через Вашу секретаршу, *когда* Вам было бы желательно «позже еще раз прочитать» бумаги (если Вы добавили эти слова не только из вежливости). До середины сентября или до 20-го я определенно останусь здесь. В ином случае я еще некоторое время буду достижима через издательство R. Piper & Co., Мюнхен, Рёмерштра-се 1. Только, пожалуйста, без указания имени отправителя, если Вы ничего не имеете против. Хорошо?

Газетную вырезку с прорицанием Толстого⁴² я нашла, но она меня очень разочаровала. То же ощущение оставляет у меня все, что он написал после «Анны Карениной». Это можно читать только один раз.

С лучшими приветами
Лесс Кэррик

[Кэррик — Шпенглеру]
Титмонинг, 13 октября 1921

Глубокоуважаемый господин Шпенглер!

<...> Эти бумаги — Вы в любое время сможете получить их зимой, я бы сразу опять отослала их Вам, но, может быть, до зимы я смогу еще раз разборчиво переписать их.

«Запретов» никаких не было. Пара страниц была всего-навсего снабжена пометой: «соблюдать осторожность в употреблении», потому что я сама ощущаю себя в этой области так неуверенно, как на тонком льду. «Уничтожающий отзыв» той дамы (она не моя «подруга» — подруг у меня никогда не было) был вполне уместен. То есть применительно к той паре страниц, которые она читала. Неудивительно, что некоторые другие места заставили Вас

⁴² Ср. в дневниковой записи о первом разговоре со Шпенглером 25 августа 1921 г.: «Я рассказала о толстовской “поэтогамии”. — “Ах, вот это любопытно. Что он под этим подразумевает?” — Я: “Гм... но это ведь сказано самой формой слова!”» (DLA).

«задуматься», ведь Вы и сами говорите об «отцовском и художническом», называете всякую заботу «материнской», считаете «брак и собственность» *одной* темой⁴³. Поэтому я думала, что результаты, к которым я пришла совсем иными путями, могут Вас заинтересовать, как подтверждения. И каким успокоением было для меня то, что Вы подчеркнули в египтянах такие моменты, как волю к длительности, организаторский талант («вертикальное»), а в греках — моментальное, гениальное, творческое. Не говоря уже о том, что Вы пишете о непереводимости языков.

Но некоторые вещи вызывают во мне противоречие. Они свинцом ложатся на мою душу. Но не знаю, смею ли я... — Конечно, нет!

С одной стороны, письмо — это всегда отнимание времени. Но с другой стороны... Неужели вся мировая история должна опрокинуться, как перегруженный с одного боку корабль, если то, что Вы говорите в заключении «Пессимизма»⁴⁴ — это действительно Ваше последнее слово и основание Вашего второго тома. — В таком случае мне ничего не остается, как положиться на добрых духов. И желать лучшего.

Ваша Лесс Кэррик

Нет, я пишу дальше!

Если остров, богатый фауной и флорой, внезапно оседает до такой степени, что от него только местами остаются торчать кочки, то цапля, конечно, может сказать: «Нет, я не пессимистка. Я еще вижу перед собой так много возможностей для жизни» и т.д. Но пусть она не изумляется, что лошадь и собака, медведь, волк и еж вешают нос.

Вы считаете, что это осуществимо — найти для немецкого народа, немецкого элемента спасение в «римском», но я не могу сыскать ни единого немецкого слова, которое можно было бы приноровить к римскому духу. Вы считаете, что так может продолжаться еще пару столетий — с грандиозными созданиями техники и цивилизации, но в то же время с сознанием конца. Нет, так не дожить и до ближайшего поколения, потому что тот, кто хоронит душевное будущее, душевные возможности, тот *мгновенно* сворачивает шею журавлю. <...>

Я тем временем не только дочитала до конца «Пол и характер» Вейнингера, но в придачу и его «О последних вещах»⁴⁵. Великолеп-

⁴³ См.: *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes*. Bd. 1, unveränderte Auflage. München, 1920. S. 71, 188–189.

⁴⁴ Политическое эссе Шпенглера «Пессимизм?», вышедшее в серии «Прусских ежегодников» (*Spengler O. Pessimismus?* Berlin, 1921 (Schriftenreihe der Preußischen Jahrbücher, Nr. 4)).

⁴⁵ «Пол и характер» («Geschlecht und Charakter», 1903) и «О последних вещах» («Über die letzten Dinge», 1903), произведения Отто Вейнингера (1880–1903).

ны абстрактные изучения (главы в середине, о проблеме Я, о гении и т. д.). Здесь с ним не может соперничать ни один белокурый германец! Но вся его точка зрения на женщину! До какой степени все это увидено без заднего плана, до какой степени это все «одномерно», до какой степени по-еврейски.

Не знаю, верно ли я поняла Ваше замечание о расе⁴⁶. Возможно, сегодняшние западноевропейские евреи выглядят совсем иначе, чем те древние, до рождения Христа. Но нечто я все-таки ощущаю как типично еврейское. (Это означает: насколько я могу судить по книгам современных евреев, потому что у меня никогда не было случая к личному знакомству с евреями).

Это нечто состоит в том, что у них (невзирая на Эйнштейна) Солнце всегда как-то вращается вокруг Земли, как в Ветхом Завете. И в придачу Иегова в крови. И невозможность представить себе женское божество.

Этот последний момент мешает им понять Гёте. И Ибсена. И Достоевского. Для того чтобы «опровергнуть» Вейнингера, вовсе не обязательно отвергать подмеченные им женские черты как «клевету». Куда там! И даже если все это тысячу раз правильно, то правильно это лишь настолько, насколько правилен вырезанный по контуру черный силуэт, по которому мне еще ни разу не удавалось узнать человека.

(Однако я была удивлена тем человеческим материалом, что, по-видимому, был у него перед глазами! По-видимому, люди «асфальтовых улиц»). Но потом я слышала все от той же дамы, что Вейнингер «неосознанно» был тем же, чем «неосознанно был» Стриндберг⁴⁷. Поэтому я прочла «О последних вещах» без всякого удивления. Только часто думала: «Бедный мальчик!» Вероятно, мы всегда вносим взгляд собственных глаз во все, что мы видим. <...>

Однако как ужасно, должно быть, видеть Ибсена, Гёте, Шекспира и т. д. из салонов больших городов! С учетом этого я хорошо понимаю все насмешки над современным искусством — художественным ремеслом. Покупательницы рассматривают его создания как замену комнатной собачки, и Ибсен для них — всего лишь тема для разговора за чаем в пять часов пополудни, а Достоевский — для разговора на вечер.

Но если смотреть на вещи оттуда, где обитаю я, все приобретает иной облик.

Но кому я все это говорю? Вы могли бы носить тогу и сандалии и именоваться, например, Катонем. И Вы обязаны быть таким, как Вы есть. А к моей финской обезьяньей голове подошла бы толь-

⁴⁶ См. запись Кэррик о первом разговоре со Шпенглером во вступительной заметке.

⁴⁷ Имеется в виду латентный гомосексуализм Вейнингера и Стриндберга.

ко первобытная рубаха до колен, да ноги, обмотанные полосками меха. И при чем тут какая-то Германия? Ах, я знаю, молчание — золото, молчать гораздо лучше! И конечно, кто-то придет и скажет все, что должно быть сказано. Или, вернее: все, что должно быть сделано, а не сказано. <...>

Если бы я только знала, что мне делать? По личным причинам — быть тихой, корректной, «европейской», — или все то, совсем другое, что сюда совершенно не годится.

Тогда, однако, следовало бы все договорить до конца, а не выдавать бессвязные обрывки. Смогу ли я сделать это раньше, чем через десять лет? А тем более к февралю–марту 1922? Конечно, нет.

Все это ведает Бог — и добрые духи. К ним относятся мой старый садовник Ян и кучер Георг, который ребенком подымал меня на лошадь и придерживал за один башмачок, а еще Лилиблесс, фрякская кобыла, а еще восемнадцать собак, ни единая из которых не испытывала «чувства вины» или «утраты», зато все они были исполнены надежды и всегда ожидали от своего господина самого лучшего, самого великого и на радостях не могли уняться, если их господин преодолевал сам себя и —

Не знаю, что дальше.

[Шпенглер — Кэррик]
Мюнхен, 14 сентября 1922

Глубокоуважаемая сударыня!

Несколько дней назад я опять взялся за Ваши бумаги о Достоевском и получил большое наслаждение от того, что Вам удалось извлечь из всех этих вещей. Мысль поставить в основание всей проблемы России проблему отцовства кажется мне здесь самой удачной. Сегодня я отсылаю Вам назад первую порцию бумаг; между листами я вложил пару замечаний из блокнота⁴⁸, но, к сожалению, таким образом трудно сказать много, и разговор обо всех этих вопросах следовало бы вести с учетом гораздо более обширного материала. Ведь противоположность, которую Вы усматриваете между туранским и европейским человеком, прослеживается на примере старейших народов в трех частях света. Лео Фробениус⁴⁹ открыл совершенно то же самое в Африке, где среди современного негритянского населения существуют три очень древние культуры;

⁴⁸ Несколько листов из блокнота малого формата с заметками Шпенглера сохранилось в архиве Кэррик.

⁴⁹ Лео Фробениус (Frobenius, 1873–1938), выдающийся немецкий этнолог, исследователь Африки; в 1920–1929 гг. интенсивно общался со Шпенглером, работая над проблемами «морфологии культур».

из них две северные различаются между собой именно так, как Вы это описываете. Государства одних напоминают западноевропейские государства; у других место иерархической пирамиды властей заступает горизонтальное членение на союзы. У одних — старинные героические поэмы в духе «Илиады», у других — народные песни в духе былин.

Сейчас, когда я это перечитываю, у меня возникает настойчивое желание увидеть эти записки в доработанном и напечатанном виде. Насколько я знаю литературу о России, с этими листками ничто не идет в сравнение. И поскольку я знаю, как важно наконец-то осмыслить Восток из самых его глубин, я хотел бы Вам предложить подумать об издании книги о России (скажем, «Душа России»). Если я могу Вам в этом помочь, я всегда охотно готов. Но, возможно, Вы опять приедете в Мюнхен, где мы могли бы обо всем переговорить. У меня непреодолимое отвращение к длинным письмам, и писание писем в конце концов мало что проясняет. Может быть, Вы напишете мне, что Вы думаете об этом предложении? Остальные листки я Вам постепенно пришлю.

С лучшими приветами
О. Шпенглер

[Кэррик — Шпенглеру]

Глубокоуважаемый господин Шпенглер!

Но это же совершенно невозможно... Вместо того, чтобы способствовать прояснению дела, такие обрывки только запутают все эти проблемы *еще больше*. Возможно, в этих заметках сыщется пара языковых пояснений, которые Вы могли бы использовать (только, пожалуйста, никому не говорите, откуда...). Например, отец, мать, дух и т. д. — Я только месяц или два тому назад узнала, что Аттис по-лигийски означает «отец». Я это всегда предполагала, но не решалась использовать для доказательства, потому что над этим могли бы начать потешаться, как над словесной игрой. Научно доказана, говорили мне, только связь со словами «ati», «tati», «tete» у эскимосов и басуто.

Извините эту поспешность. Здесь так многого не хватает. Я бы, например, охотно сказала еще что-то в защиту немцев — против тех требований, что Вы выдвигаете в «Прусском ежегоднике»⁵⁰. Мне кажется, немцы — народ не императорский, а королевский. Они работают сами, они не хотят заставлять других работать на себя и не понимают этого... Где-то (в 1-м томе) Вы сами говорите, что

⁵⁰ См. примеч. 44.

любая забота — это материнская черта⁵¹; отсюда до «отцовского» и «королевского» уже рукой подать.

Почта отправляется через полчаса. К сожалению, придется мне послать написанное в том виде, как оно есть, или вообще не посылать. Потому что типография и издательство опять ждут нескольких работ разом. Еще раз прошу Вашей снисходительности, во всех отношениях. Особенно в исторической части все крайне слабо, крайне дилетантски.

Л. К.

Если бы я сегодня могла написать все заново, я должна была бы предпослать этим рассуждениям исторический обзор, чтобы сделать понятным, почему я выбрала обозначение «туранское» (ср. стр. 427 прилагаемых листов из книги Моргана)⁵².

Кроме того, я должна была бы привести совершенно другие исторические свидетельства в пользу существования человеческих типов, определяемых горизонтальной или вертикальной связью. <...>

«Король Лир» — это отдельная глава⁵³. Прежде всего следовало бы опровергнуть слабые утверждения Брукс-Адамса, который усматривает во внимании к деньгам всего лишь пошлый конец⁵⁴, а не великую способность к пониманию «дела» — в противовес мгновению, наслаждению, ощущению, переживанию. («Дон-Жуан» Граббе. Фауст — дуализм. Другая крайность: *navigare necesse est, vivere non est necesse*⁵⁵).

⁵¹ См.: *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes*. Bd. 1 (1920). S. 375. Рус. пер.: *Шпенглер О. Закат Европы*. Т. 1. С. 295.

⁵² Льюис Генри Морган (1818–1881), американский историк и археолог, автор книги «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877), на которую ссылался, в частности, Фридрих Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Противопоставлял матриархальную систему родства «туранских» племен патриархальной семье арийских, семитских и уральских племен. Кэррик ссылается на немецкое издание труда Моргана: *Morgan L. H. Die Urgesellschaft. Untersuchungen über den Fortschritt der Menschheit aus der Wildheit durch die Barbarei zur Zivilisation*. Stuttgart, 1908. S. 427.

⁵³ См. ниже, во фрагментах из «<Бумаг о Достоевском>».

⁵⁴ Ср.: *Brooks Adams. Das Gesetz der Zivilisation und des Verfalles*. S. 378–411.

⁵⁵ Мореплавание необходимо, жизнь не необходима (*лат.*). Эта фраза, приписываемая Цицерону и первоначально мотивировавшая необходимость создания сильного римского флота, позже толковалась то в смысле противопоставления насущно важного «общего дела» всем частным челове-

Еще одна отдельная история: та роль, которая принадлежит боли у тех, принадлежащих другому человеческому типу. Версиров: «да и мог ли я быть несчастлив с такой тоской?»⁵⁶ — и Сирано де Бержерак! И напротив, антипатия к боли у «вертикальных». (Может быть, оттого-то им и суждено пройти этот принудительный курс — чтобы не так быстро отделялись от боли?) Между прочим — сравните слова Сирано: «C'est bien plus beau lorsque c'est inutile!»⁵⁷ и суждение Подростка об отказе Версирова от наследства...

Если бы «туранское» было принадлежностью одних только русских, это было бы не так страшно. Могут там, у себя, делать все, что им угодно. Угрожающим положение становится только тогда, когда те же бактерии вдруг обнаруживаются и в Западной Европе. На протестантском севере...

В ходе подобных изучений дело идет только о выявлении бактерий, которые, конечно, *никогда* не составляют целого. Но если лупа не увеличит их до гигантских размеров, болезнь останется необъясненной.

Самое сложное состоит в том, как определить их *подлинную* величину и силу их воздействия.

Ведь вполне возможно, что задание «горизонтальных» состоит лишь в том, чтобы отсечь старое, освободить от него. А затем все опять пойдет дальше «вертикально». Новое начало со *слегка* изменившейся людской природой?

Предположить ли тут вместе с Краликом⁵⁸ периоды длительностью в 1800 лет? Или принять за единицу измерения 3×1800 и предположить, что теперь начинаются три совсем новых периода? — Новый Завет...

Стало быть, «закат Европы» — это только закат патриархальной культуры? Решенный и ускоренный катастрофой мировой войны?

Однако из этого проистекает гигантское значение немецкого — как необходимой примеси, если новое созидание *вообще* окажется возможным.

Народы потеряли жизнеспособность от узкородственного размножения и разбрелись по своим закоулкам. Пресловутый «удар кинжалом в спину»⁵⁹ выгнал немцев из их закоулка. Так, стало быть, чешским потребностям, то переосмысливалась как жизненный девиз людей, превыше жизни ценящих странствия.

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 380 («Подросток», ч. 3, гл. 7).

⁵⁷ Это тем прекраснее, что оно бесполезно (*франц.*).

⁵⁸ Рихард Кралик фон Мейрсвальден (Kralik von Meyrswalden, 1852–1934), австрийский писатель и культурфилософ.

⁵⁹ Утверждение, что Германия была побеждена не на поле брани, а вследствие предательства социал-демократов, нанесших немецкой армии «удар кинжалом в спину», была устойчивым элементом консервативной политической мифологии 1920-х гг.

Из переписки с О. Шпенглером. Из «<Бумаг о Достоевском>»...

все же не «закат» Европы? А если и «закат», то только в определенном смысле?

[Шпенглер — Кэррик]
Мюнхен, 16 ноября 1922⁶⁰

Глубокоуважаемая сударыня!

По вашей просьбе я посылаю Вам то, что еще оставалось у меня из ваших бумаг, хотя делаю это с большой неохотой. Я только что завершил просмотр моего первого тома⁶¹ и в последние недели вынужден был запретить себе любое другое чтение. Сейчас я опять взглянул в Ваши записки, и они вызвали у меня самое большое одобрение. Смею ли я уже сейчас просить Вас после моего возвращения (я уезжаю до нового года) еще раз доверить мне все эти материалы? Вы непременно должны сделать из этого книгу — в свободной афористической форме.

«Исповедь Ставрогина»⁶² у меня есть; она меня разочаровала. В сравнении с прочим она остается далеко позади.

С лучшими приветами
Ваш О. Шпенглер

[Шпенглер — Кэррик]
Бланкенбург в Гарце, 20 декабря [1922]⁶³
Герцогштрассе 18

Глубокоуважаемая сударыня Кэррик!

Большое спасибо за Ваше последнее письмо. Я здесь на отдыхе и вернусь в Мюнхен только в начале января, а значит, вряд ли увижу

⁶⁰ Впервые напечатано, без последнего абзаца, А. Коктанеком в томе избранной переписки Шпенглера: *Spengler O. Briefe*. S. 224. Здесь переведено по оригиналу, хранящемуся в DLA.

⁶¹ Для переработанного издания первого тома «Заката Европы» в издательстве С. Н. Векс, вышедшего в свет в 1923 г. См. во вступительной замечке об учете Шпенглером отдельных тезисов Кэррик при этой доработке.

⁶² Вслед за русской публикацией в сборнике «Документы по истории литературы и общественности» (Вып. 1. Изд. Центрального Государственного архива. М., 1922) «Исповедь Ставрогина» вышла отдельной брошюрой в издательстве Пипер в 1922 г. (*Dostojewski F. M. Die Beichte Stawrogins* / [Übers. von Wolf von Mickwitz.] München, 1922). Практически одновременно текст был опубликован по тому же источнику в мюнхенском издательстве «Музарийон» в переводе Александра Элиасберга.

⁶³ Впервые напечатано А. Коктанеком: *Spengler O. Briefe*. S. 231. Здесь переведено по оригиналу, хранящемуся в DLA.

Вас там. Однако я еще раз хотел бы попросить у вас Ваш манускрипт. Вы не могли бы оставить его для меня (в закрытом конверте) в издательстве Бэк, Вильгельмштрассе 9⁶⁴? Там, где всегда лежат адресованные мне почтовые отправления. И сообщите мне, пожалуйста, Ваш адрес, я хотел бы в середине января прислать Вам новый 1-й том.

Что касается Ваших записок, то единственно правильное решение — напечатать их в форме афоризмов, в которой они возникли, и переработать их, *не предпринимая* существенных сокращений. Я в любое время могу найти для Вас хорошее издательство, а также позаботиться о соответствующих рецензиях. Я сделаю это очень охотно, потому что, как уже сказано, я не читал ничего лучшего об этих проблемах.

Но прежде всего: я сам хотел бы перечитать эти бумаги в спокойной обстановке. Даже если Вы будете за границей, я найду способ доставить их Вам надежным образом.

На этом желаю Вам счастливого Нового года.

С сердечными приветами

Ваш О. Шпенглер

[Кэррик — Шпенглеру]
[без даты]

<...> Уже само слово «материнское право», употребленное не в штудии по истории права, а в рассуждениях о «культурном перевороте», кажется мне способным ввести в заблуждение. По большей части люди представляют себе проблему таким образом, будто бы «мужчине» (исторической эпохи) противостояла «женщина» (доисторической эпохи). На этом вся мысль загублена.

Нет, достижение Бахофена⁶⁵ колоссально, но путь *далее*, то есть путь для тех, кто действительно желает идти вперед, этот путь непременно должен вести через (не изумляйтесь!) — через Отто Вейнингера, через его «гигантский план универсальной символики, с помощью которой должен быть найден ключ ко всему сущему» (по определению его друга, доктора О. Эвальда⁶⁶).

Правда, Вейнингер в конечном итоге типизировал только *одну* человеческую пару и совершенно просмотрел другую (или ошибочно включил отдельные ее черты в рассмотрение первой). Но это не так су-

⁶⁴ Шпенглер с 1919 г. числился сотрудником мюнхенского издательства С. Н. Веck, в котором издавались его основные труды.

⁶⁵ См. примеч. 9.

⁶⁶ *Ewald O. Nachruf auf Weininger // Der neue Merkur. Jg. 4 (1920/1921). Heft 5. S. 328.*

щественно. — Введение Боймлера⁶⁷, определено, должно быть очень интересным. Рассмотреть в совокупности линию Гёррес–Гримм–Ранке–Бахофен — это уже оригинально. Однако: способность понимать католицизм, способность понимать поэзию, способность понимать большую семью (государство) и способность понимать республику — не суть ли это четыре различных нервных цепочки, при всей близости этих способностей? (если рассмотреть их под хорошим микроскопом). Хотя они и принадлежат, так сказать, к одному семейству.

Но какое мне дело... Простите, Вы видите, я становлюсь немного нервной от нетерпения!

Нет, не «мужчина» и «женщина» (в единственном числе) противостоят друг другу как враждующие начала в культурных переломах. В действительности противостоят друг другу — мужчина и мужчина! И следит за этой схваткой не одна «женщина», не одна «жена». Нет, рядом с борющимися мужчинами стоят противоположные женские типы — женщина против женщины.

Но навести порядок во всем этом хаосе слов невозможно иначе, кроме как рассортировав их при помощи символики. Геракл — Аполлон — Агамемнон (Ахилл и т. д.) — Данте — Шекспир — Шиллер (чтобы назвать только некоторые имена) стоят против Прометея — Марсия — Одиссея (и т. д.) — Дон-Кихота — Гёте — Ницше — Достоевского. И за борьбой наблюдают — — Но все это завело бы слишком далеко, а кроме того: женщины, конечно же, нисколько не интересуют немецких мужчин.

Да, получается, в этом отношении доктора Вирта⁶⁸ никак нельзя назвать немецким мужчиной!

⁶⁷ Введение философа и педагога Альфреда Боймлера (1887–1968) к тому избранным трудам Бахофена: *Baeumler A. Bachofen der Mythologie der Romantik // Der Mythos von Orient und Occident: Eine Metaphysik der Alten Welt. Aus den Werken von J. J. Bachofen. Mit einer Einleitung von Alfred Baeumler. Hrsg. von Manfred Schroeter. München, 1926. S. XXV–CCXCIV.* Упоминание статьи Боймлера делает наиболее вероятной датировку настоящего письма 1926 г. — или, возможно, временем несколько ранее, потому что Шпенглер знал о готовившемся Шрётером и Боймлером издании Бахофена уже с 1924 г. (см. его письмо Шрётеру от 26 июля 1924 г. в томе переписки: *Spengler O. Briefe. S. 340*).

⁶⁸ Альбрехт Вирт (Wirt, 1866–1936), историк, этнограф, общий знакомый Кэррик и Шпенглера.

2. Из «<Бумага о Достоевском>»⁶⁹

*

Чего хочет Россия?

Ответы на этот вопрос разнятся не слишком сильно: Россия хочет иной религии, иного христианства, хочет иного социального разделения, хочет отмены капитала... Но все эти ответы сформулированы, в сущности, европейцами или такими русскими, которые хотели было воспользоваться европейскими инструментами, но затем обнаружили, что инструменты эти не годятся для сооружаемого ими здания. Поэтому всякий ответ, по сути, есть только отрицание. Возможно, это происходит оттого, что Россия, когда ее спрашивают о ее лице, примеряет на себя все европейские маски, одну за другой, и ни об одной не может сказать: «Эта подходит, эта — мое лицо!» Вместо того чтобы сказать: «Никто не может узреть свое собственное лицо. Придите и взгляните на меня».

*

С каким же «новым словом» приходит русский? И по отношению к какому германскому слову испытывает он столь откровенное презрение? Выпад Толстого против Шекспира столь же мало объясняется только его личной неблагосклонностью, как и утонченная насмешка Достоевского над второй частью «Фауста»⁷⁰. Что может значить для русского король Лир — этот чистейший тип германца, о котором Регана говорит Гонерилье: «Он всегда очень мало знал себя самого»⁷¹? Этот король, которому Кент хочет служить оттого, что в его существе заключается нечто, чему Кент охотно дал бы название «господина». Это нечто — «уверенность в себе». Для русского такой король — всего лишь пустая форма. Чтобы наполнить ее содержанием (то есть иллюзиями), требуется вассал, или шут, или нищий. Для русской воли с ее стремлением к реализму такой король непереносим. А Макбет, который всеми своими фибрами знает, что есть добро и что зло, тем временем как леди Макбет, подобно Еве, хватается за корону? (Почему бы и нет, если ее можно за получить? Ее безумие — это не раскаяние и не прозрение, оно идет просто от неспособности к пониманию.)

⁶⁹ Отдельные листы, по цвету чернил, сорту бумаги и характеру почерка несомненно относящиеся к 1919–1921 гг.

⁷⁰ Вероятно, имеется в виду саркастическое изложение в 1-й главе «Бесов» аллегорической поэмы Степана Трофимовича Верховенского — «в лирико-драматической форме и напоминающей вторую часть Фауста» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 9).

⁷¹ Шекспир, «Король Лир», акт I, сцена 1.

У русских все наоборот. Там не только Ставрогины не знают, что есть добро и что зло, но даже сам старец Зосима в конечном счете не решился бы утверждать, что зло есть действительно зло. Потому что для них нестерпимо «очень мало знать себя самого»? Потому что их предназначение — погружаться во все большие и большие глубины?

Но когда русскому хочется знать, что есть добро и что зло, он идет к женщине или к девушке, совсем еще ребенку, — и она знает это! Пусть она не умеет облечь это знание в слова, но в ней есть внутренняя уверенность — и увязающий вдруг чувствует под ногами твердую почву, и сомневающийся обретает уверенность, и ищущий слышит: «здесь»...

Все это «матушка Россия». Но если кто-то попытается объяснить русским, что мужчины-германцы ощущают Гретхен и Офелию как «возлюбленную-мать», они не поймут этого. Русские могли бы воспринимать их как дочерей, в лучшем случае. В Германии женщина говорит мужчине: «Твоя любовь возвышает меня, делает выше, чем я есть, о мой добрый дух, мое лучшее я»⁷², и подчинение мужчине, его опека — все это разумеется само собой.

*

Если русский народ столь остро ощущает, что отличается от всех прежних народов, отличается так же сильно, как «да» от «нет», и если это несходство впервые проступает с такой силой за все шесть тысячелетий так называемой «античной культуры», то, стало быть, должны же были все прочие народы этой культуры иметь между собой нечто общее, нечто связующее. В чем же оно заключалось?

В форме патриархальной семьи. В том, что *этос* принадлежал здесь исключительно мужчине.

Неужели только беспричинно возникшее стремление к дележу побудило членов большой синдиазмической семьи⁷³ заняться выяснением вопроса об отцовстве? В конце концов это привело к тому, что женщин стали держать под замком. Ведь мужчина хотел, чтобы дети, рассматриваемые им как наследники имущества, со всей несомненностью были именно его наследниками. Вероятно, с этого времени началась история того человеческого типа (арийцы), для которого мужчина всегда считался «лучшим», «стабильным», «надежным», «высшим». Видимо, по причинам не только кровнород-

⁷² Из стихотворения Фридриха Рюккерта (1788–1866) «Ты моя душа, мое сердце...» («Du meine Seele, du mein Herz...»).

⁷³ В использовании этого термина, как и в ряде других моментов, Кэррик ориентируется на исследование Моргана (см. примеч. 52).

ственного, но и духовного порядка материнское право (туранская система) и материнское божество, не имеющее отца, было вытеснено отцовским правом и отцовским божеством, не имеющим матери. Это право и это божество были присущи арийской, семитской (и уральской?) системам родства. (То, что материнское божество, не имеющее отца, опять воскресло в культе Девы Марии⁷⁴, заслуживало бы отдельного рассмотрения.)

Не в том ли и состоит сегодня цель русских, чтобы вместе с упразднением «капитализма» упразднить и прежнюю систему наследования? Но что придет тогда на смену прежней «цели» моногамии: привязать детей к отцу как единственному обладателю имущества и имени? Придет на смену, конечно, не сегодня и не завтра, не в этой Европе, а когда-нибудь через тысячелетия, после «победы мировой революции»?

Чтобы никого не пугать привидением «матриархата» как противоположности «патриархата» (то, что было однажды, никогда не вернется в той же форме), позволю себе для краткости процитировать Моргана: «Если признать тот факт, что семья прошла через четыре последовательные формы и теперь представляет собой пятую форму, то сразу же встает вопрос, окажется ли эта форма долговечна в будущем. Единственно возможный ответ на этот вопрос: семья должна развиваться, как развивается общество, и меняться, как меняется общество, — точно так же, как она менялась в прошлом... Возможно, когда-нибудь в отдаленном будущем, если цивилизация будет постоянно прогрессировать, моногамная семья будет уже не в состоянии отвечать на запросы общества; однако невозможно предсказать, какова в таком случае окажется ее пре-емница»⁷⁵.

Предсказать это, действительно, невозможно. И все же есть нечто такое, что наводит на мысль о «явленной форме, пребывающей в живом развитии»⁷⁶.

*

Попробую начать иначе. Если начать с огромного, последнего, венчающего камня свода: «Государство обращается в Церковь»⁷⁷, вывод окажется предвосхищен. Поэтому лучше начать с какой-

⁷⁴ Кэррик подразумевает доктрину *immaculata concepcio*, согласно которой Мария также родилась от непорочного зачатия.

⁷⁵ *Morgan H. L. Die Urgesellschaft. S. 415.*

⁷⁶ Из стихотворения Гете «Демон» из цикла «Первоглаголы. Орфическое» («Urwoorte. Orphisch», 1817).

⁷⁷ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 62* («Братья Карамазовы», ч. I, кн. I, гл. V).

нибудь малой, в сто раз менее важной черты (способной служить доказательством). С какой же? <...> Вода везде одна и та же — что в капле, что в трюмах корабля, что в целом море.

Так кого же выбрать? Неточку, Зинаиду, Вареньку с Девушкиным, Кроткую или... стоп! Труссоцкий! — Хорошо.

Вопрос: *Почему* «вечный муж» Павел Павлович Труссоцкий не подает руки Вельчанинову, когда тот протягивает ему руку, прощаясь на вокзале? «Если я, я протягиваю вам вот эту руку...»⁷⁸ (с шрамом от бритвы, которой Труссоцкий хотел убить Вельчанинова). И почему единственные слова, которые он произносит, с задрожавшим подбородком: «А Лиза-то-с?» Почему он не говорит: «А ваше прелюбодеяние? А то, что вы меня обманули?» или что-нибудь в этом роде? Вместо всего этого только: «А Лиза?»

Если кто-то отказывается подать руку, это значит, он хочет сказать: я считаю вас *бесчестным* человеком. И это говорит «вечный» муж Дон-Жуану? Так что же такое *честь*? То есть: каких предпосылок требует *честь*?

Ответ: *долг*. Сознание долга, чувство долга и т.д. Вся шкала, вплоть до того *единственного* убеждения, которое отстаиваешь. То есть: когда твоя религия, говоря абстрактно, считает правильным *одно-единственное* толкование мира. Тогда сознание долга или, короче, «долг» подразумевает то же самое, что наличие религии, следование религии на практике.

Почему тогда вечный муж, рогоносец, обладает честью, а Дон-Жуан — нет? Ответ: «А Лиза?»

Но если у *вечных* мужей — в противоположность *временным* — есть «честь», потому что есть «долг», то что же есть тогда у этих «временных»? (А ведь к ним относятся такие страдающие натуры, как Фауст — Гете — Барлах и т.д.).

Если попытаться выразить это кратко: противоположность «царства чести» есть «царство души». Честь = долг = понятие — сформулированное, стабильное, консервативное. Душа, наоборот, — несформулированное, текучее, ищущее, стремящееся. В сравнении со ставшим — революционное.

Если я вместо «Государства» и «Церкви» скажу только «царство чести» и «царство души», станет ясно следующее: «царство души» (ищущее, революционное, новое) однажды тоже должно превратиться в «царство чести» (сформулированное, больше не ищущее, не новое). Понятно станет и то, что протест Достоевского против превращения «Церкви» в «Государство» шел оттого, что в «Государстве» он видел застывание формы, прежде способной меняться.

Впрочем, я могла бы доказать, что Достоевский рисовал себе «царство души» тоже как *длящееся* состояние. Но это была его уто-

⁷⁸ Там же. Т. 9. С. 112 («Вечный муж»).

пия. Для проблемы русской души она важна, но в остальном не так существенна. Существенно, что в Достоевском жил разрушитель всего существующего, архи-революционер.

«Церковь» как дрящееся состояние: Алеша в монастыре (*после* брака с Лизой Хохлаковой и «грехопадения» с Грушенькой⁷⁹), окруженный детьми, которых он страстно любит, — он, кому собственных детей «не дано».

Но кроме Алеши будут всегда существовать Ивановы, которые за чужих детей сердечно благодарят — потому что имеют своих собственных, а тем самым и «царство чести». Стало быть, вновь понятие «Государство». Конечно, это не должно быть государство в тех же формах, что и сегодня (по выражению Герцена: «этот Чингис-хан с телеграфами, пароходами, железными дорогами, креозотом и Крупном в генеральном штабе»⁸⁰). Но государство, в основании которого лежит некое *новое* убеждение, например: что важно не «оно», а «мы». Через религию, дающую этому миру *один-единственный* смысл, — вновь к триединству: понятие = долг = честь... <...>

Характерно, впрочем, что Достоевский-художник *ни разу не смог изобразить* настоящего «отца»! Иван, по-видимому, умирает, а Митя — бог его знает! Грушенька, возможно, пойдет с Алешей, но, скорее всего, без детей... Ставрогин символически «кончился».

«Отцы» у Достоевского — это Мышкин, Зосима, Алеша, Версилов, даже Степан Трофимович: проповедники, *духовные* отцы, или отчимы, как Шатов.

⁷⁹ Кэррик опирается, по-видимому, на немецкую биографию Достоевского, принадлежащую писательнице Н. Гофман, где о продолжении «Братьев Карамазовых» сообщается следующее: «Алеша должен был, таков был план писателя, по завещанию старца Зосимы вернуться в мир, принять на себя его страдания и его вину. Он женится на Лизе, потом покидает ее ради прекрасной грешницы Грушеньки, соблазлившей в нем его карамазовскую часть, и после бурного периода заблуждений и отрицаний, так и оставшись бездетным, духовно закалившись в испытаниях, возвращается опять в монастырь; он окружает себя там толпой детей, которых он до самой смерти любит и учит, и руководит ими» (*Hoffmann N. Th. M. Dostojewsky: Eine biographische Studie.* Berlin, 1899. S. 427). Ср. сведения о первоначальном плане и предполагавшемся продолжении романа в коммент. к изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 411, 485–486.

⁸⁰ Измененная цитата из герценовского «Письма к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» (1857). См.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем / Ред. М. К. Лемке. Т. IX. Пб., 1919. С. 27.

3. Из афоризмов

*

Видеть вещи просто? Не знаю, способна ли я на это. Но я всегда вижу их прямо — не разбегающимися по кривым углам, а строящимися в ряд одна за другою, или создающими прямые ответвления, — вижу их не спрятанными, не скрытыми. Поэтому у меня нет ощущения, будто я что-то усложняю.

*

Искусство, в особенности архитектура, — это выражение сущности, идущее прямо из подсознания, это будто бы неосознанное предательство — подобно тому, как один-единственный жест порой выдает человека.

*

В русских церквях нет догмы.

*

Церкви — дома уединения, в России по большей части.

*

Христианство делает людей одиночками на земле.

Отсюда отрицание христианства молодыми народами, которые еще являют собой цельную массу, и успех его у старых народов — разделившихся на одиночные личности, *распадающихся*.

Саксы — римляне.

Христос ставит человека ближе к Богу, чем к другому человеку, — отсюда единичность.

*

Русские — изначально одинокие, единичные души, подобно тому как их церкви, увенчанные множеством главок-луковиц, — это скопление единичностей. Но, согласно закону природы, человек желает выйти за пределы себя самого. Поскольку для русского не существует возможности расширить пределы собственной личности до размеров целого народа — тут-то и возникает это неопределенное, всесочувствующее излучение, эта всечеловечность etc.

*

Отсюда вечный, истинно русский вопрос: зачем мы живем? Но это «мы» — только грамматическая собирательная форма для: я одиночка, ты одиночка, третий одиночка. То есть, по сути, вопрос означает: зачем я живу? Он видит только то, что одиночка — это *quantité negligeable*.⁸¹

*

Сущность немцев: жизнь — это честь. Или задание чести.

Сущность англичан — самосознание.

Сущность французов: что жизнь вопреки всем глупостям есть наслаждение.

Сущность итальянцев — красота.

Сущность американцев — деятельность.

Русские: жизнь — бесцельность.

*

Россия — страна без пафоса: я не боюсь самопожертвования, но я опасаясь, что цель его недостаточно велика.

Русские очень мало способны жертвовать себя, то есть для идеи жизнь.

*

Одиночка говорит: когда я умру, со мной исчезнет все. Тогда как один из — скажем так: из егерей фон Лютцова⁸², сраженный пулей и падающий, ощущает как бой движется дальше.

*

Когда мы идем по земле среди множества людей, мы весело маршируем вперед. Когда мы одни, желание двигаться вперед пропадает, мы обращаемся внутрь себя — и рождается эта любовь, простирающаяся за моря и горы, любовь ко всему, что живет вне зоны нашего собственного одиночества. Так становится понятна и русская всечеловеческая любовь — через ее единичность.

⁸¹ Бесконечно малая величина (*франц.*).

⁸² «Черные егеря», добровольческие отряды, созданные в 1813 г., в ходе освободительной антинаполеоновской кампании по инициативе прусского генерал-майора Адольфа Вильгельма фон Лютцова (1782–1834).

*

Когда наступают худые времена, и люди ощущают себя одиночками, когда у эпохи нет одушевления, соединяющего людей, тогда и только тогда христианство на своем истинном месте.

В нем — спасение одиноким, когда они чувствуют себя одиночками.

*

Если Государство обращается в Церковь, жизнь становится делом чувства. В Государстве как Государстве жизнь — это чувство дела.

*

«В них нет благообразия»⁸³ (Долгорукий) — христиане. (Толстой, который пьет из стакана сифилитика). У них, христиан, нет этики господ, которые сами наделены приличием и, следовательно, по праву требуют приличия от других. Но тот, кто так опасается ранить другого, тот гораздо больший эгоист, чем эти господа: он только себя и ближнего принимает за самое главное. Тогда как другой человеческий тип рассматривает себя и ближнего как побочные явления. Вещь как таковая, стало быть, идея, нашедшая в них только временное воплощение, — вот в чем самое главное: «Превыше жизни есть в мире — честь!»⁸⁴

*

Прусскому ландшафту — подобно русским ландшафтам — присущ уединяющий человека горизонт.

*

У русских нет искусства — нет творчества. Их дома ничего не говорят, ничего не воплощают, они построены лишь для защиты от ветра и непогоды. Все их искусство начинается с московскими церквями, которые гласят: мы народ одиночек. Но другое искусство — искусство как самовыражение народа, как его обоснование и объяснение, и разметка подводных рифов, и рассказ о штормах, им пережитых, — все это русский народ запечатлевает в слове — вот это у него великое. Валленштейн терпит поражение, потому что он одиночка, по этой же причине потерпел поражение Наполеон —

⁸³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 291 («Подросток», ч. 3, гл. 1).

⁸⁴ Цитата из драмы Ф. Шиллера «Валленштейнов лагерь» (1798), явл. 11 («Ja, übers Leben noch geht die Ehr!»; рус. пер. Н. А. Славятинского).

и по этой причине победил Бисмарк, победили Гарибальди и Кавур, победил Шиллер и потерпел поражение Гете.

*

Не забывать: русские поэты — во главе с Пушкиным — можно также сказать: русские нигилисты — называют Гете «нашим патриархом»⁸⁵.

*

Важнейший момент у Гете:

«Вечная женственность тянет нас к ней»⁸⁶.

«... Лишь вечная мать остается, от которой мы приходим»⁸⁷.

Гете было присуще ощущение умирания со смертью собственно Я: «Подожди немного, отдохнешь и ты...»

Поэтому только у туранцев⁸⁸ существует это личное тщеславие, борьба за успех, за признание. Они не ощущают себя звеньями, включенными в длинный ряд... не ощущают себя несомыми этим рядом... приобщенными к вечности благодаря этому ряду... бессмертными в этом ряду. Для них вместо этого: до меня — ничего, после меня — ничего, я один, я только мгновение, я — ничто, если меня нет сейчас... Только это *сейчас* и есть *моя* вечность.

*

Русский не понимает слов Христа «идите только к погибшим овцам дома Израилева»⁸⁹, от этих слов ему делается грустно. Христос — пусть он был явлением распада иудаизма — был сыном старого народа, который называл себя «Божьим *народом*», тогда как он, уже сознававший себя одиночкой, естественно должен был называть себя как одиночка: *сын* Божий.

*

Только так — если я объясняю себе «русского Христа» как идею братства. Послезавтрашний большевизм как противоположность позавчерашнему католицизму⁹⁰.

⁸⁵ «Нашим германским патриархом» назвал Гете Пушкин в письме к М. П. Погодину от 1 июля 1828 г. (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 21).

⁸⁶ Заключительный стих второй части «Фауста» (пер. Б. Пастернака).

⁸⁷ Из стихотворения Германа Гессе из повести «Последнее лето Клингзора» (1919).

⁸⁸ О «туранском» см. во вступ. заметке.

⁸⁹ Мф. 10, 6.

⁹⁰ Ср. также в письме к Пиперу от 30 декабря 1945 г.: «Этот Христос — так называемый русский Христос, совершенно по-земному настроенный,

*

Именно то, что Достоевский говорит от имени мужиков своей «тысяче человек»: люби не меня, а то, что я люблю, — это и есть формула для связующего между людьми. Формула, которой не было у Христа и которой, по сути, нет и у русских, потому что они действуют по заповеди Христа: люби своего ближнего как самого себя. Кто любит так, тот относится к другому как одиночка к одиночке. Любовь самаритянина к тому, что попался разбойникам, была того же рода и — насколько близки были они в конце концов друг другу? Но вот испытывают ли йенские студенты на картине Ходлера «Отправление в освободительный поход»⁹¹ личную любовь друг к другу, — это совершенно все равно. Зато все они любят одно, одно и то же — и как становятся они оттого близки друг другу!! Так близки, что все они словно бы превращаются в одного-единого, и само собой разумеется, что тут один за всех и все за одного.

*

Если Христос призывал нас к воскресению в потусторонней жизни после смерти, то Шиллер призывал нас к посюсторонней жизни до смерти. Жизнь Христа в потусторонности уничтожала земную жизнь. Напротив, Шиллерова земная жизнь просветляла наше посюстороннее существование духом иных сфер: «Превыше жизни есть в мире — честь!»

*

Вопреки тому — голос одинокой души:
«Скажи, даль, есть ли в тебе (вообще!) человек?», «Солнце не труп?», «Вечно был одинок человек на земле!», «Не мертво ли все вокруг, лишь только человек...» Или Раскольников на мосту, и то же самое Подросток и другие, считающие вполне возможным, что и Петербург испарится как фата моргана, но *сами они* останутся при этом как единственная реальность...

Такая единичная душа должна иначе оценивать и свои грехи. В сущности, как мне кажется, русский никогда не признает по-настоящему суждение о нем другого. Кроме того, он знает, как часто наружные грехи совершаются «не со зла», как «случайно» они совершаются, до какой степени он сам выступает в роли ведомого, а не ведущего. И он знает, до какой степени сознательно, в осознанно-изгоняющий торговцев из храма, Христос, на которого ссылаются большевики. Без отца в небесах и т. д. Скорее, политический агитатор. В лучшем случае врач» (DLA).

⁹¹ Картина швейцарского художника Фердинанда Ходлера (1853–1918).

ном зле и по личной инициативе, рождаются его мысленные грехи, рождаются им самим.

То, что Дмитрий ненавидит отца, почти убивает его — в этом он не виноват, тут он «ничего не может поделать», как говорят русские. Это чисто физическое проявление, а свою физическую природу он не сам создал. Зато Иван за свое желание — целиком и полностью ответствен...

*

Отчего слова Христа: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»⁹² произвели столь сильное впечатление на русского человека? Возможно, это объясняется потаенной, едва зарождающейся приверженностью, предрасположенностью народной души — предрасположенностью, напоминающей жизнечувствие греков: телом вообще нельзя согрешить. То есть — что телесное преступление закона не столь тяжело, как духовное... неприличие (ср. сверхпристойность Дмитрия Карамазова в некоторых вещах и его... безобидность в некоторых других).

*

В Достоевском есть логика. Вернее, его творчество напоминает логику дерева, но не логику математического примера.

*

Религиозный смысл открытия Коперника еще совершенно не разработан. Его осмысление начинается только в «Сне смешного человека», а еще — в отчаянии Алеши из-за того, что Зосима провонял. Никакого откровения свыше, никакого «чуда» со стороны Бога как личности, Бога как отца. Сон о браке в Кане Галилейской — любовь к Земле, одухотворение Земли.

*

Достоевский *любит* Ставрогина, он идет на крест вместе с ним. Красота обеих бездн. Карамазовы — интенсивность жизни. Ставрогин — любовь без телесно-полового. Красота обеих бездн — русское желание только *ощутить* интенсивность жизни. Чувство — это главное. Не деяние, не произведение. *Русский человек любит страдание.*⁹³

Красота обеих бездн: желание интенсивного переживания жизни.

⁹² Мф. 5, 28.

⁹³ Эта фраза в оригинале по-русски.

Для немцев подвиг — духовная красота. А позор — духовное безобразие.

Русский же является нигилистом постольку, поскольку он сомневается в подвиге — *к чему, собственно?* — и точно так же сомневается в безобразии позорного деяния: чем оно, собственно, плохо? оно существует и на том basta! Он не знает, хорош или плох подвиг, хорош или плох позор. Духовно для него все ценности = 0 (моральные ценности). Все, что остается, — это лишь переживание собственной жизни.

*

Мы живем, чтобы взбираться по ступеням.

Русский человек — центростремительная сила; я — центробежная.

Самое дурацкое, что было сказано о женщинах, принадлежит немецким мужчинам.

*

Пруссия — плохая страна для Карла Моора. И я почти готова поверить, что вся Германия уже настолько опруссачилась, что Карлам Моорам остается только отправиться в Африку, если они желают избавиться от своего ожесточения.

*

Немцы — догматики. Насилуют себя и других.

Русские — аналитики.

*

Русские — самые большие логики, логически холодные и по звериному горячие. У немцев всегда средняя температура — та, что получается, если смешать душу, дух и фантазию.

*

Немцы не революционеры. Они прирожденные развиватели.

*

Немцы — целиком и полностью «день». И в Достоевском они видят лишь ночь. Не сибирскую зарю, предвещающую иной, новый день — день, переживший ночь. О, день тоже прекрасен: утро, и вечерние тени, и грозовой мрак, и сумерки — все это еще день.

Но самое глубокое и в то же время высокое из всего, что создали немцы, — это «Меланхолия» Дюрера⁹⁴ — закат солнца, предчувствие ночи. Однако и в ней — тоже только ощущение *величия* ночи, но не ее темноты и всего, что сопутствует темноте (грязь, низменное). И потусторонний небосвод — лежащий ниже преисподней.

В Достоевском, однако, уже присутствует сознание, что ночь *не может* длиться вечно, что день *должен* настать.

*

Консервативный человек не может быть творцом, не может быть творящим новое. Он может быть только повторителем.

*

Славянофилы поняли русскую ненависть к «Европе» неправильно. Иной ненавидевший Европу славянофил времен Достоевского сегодня оказался бы европейским консерватором, тогда как иной поклонявшийся Европе западник предстал бы сегодня как «исконно русский» [«Urrusse»].

*

Если понимать под нигилизмом протест против европейской и античной культуры — то для русского он является исконно русским консерватизмом.

*

Так, русский нигилизм несет на себе явственный отпечаток позитивной веры. Русские не скептики, они — священнослужители Ничто. Но и Ничто имеет у них особый смысл. Это отрицание мира культуры, но отрицание сущностное, то есть позитивная противоположность. Русский дух противится культуре оттого, что она — придание формы. Он противится всем ценностям, которые приводят к порядку, к законам какой-либо формы.

*

Иван Карамазов говорит: «Человек был устроен бунтовщиком!»⁹⁵ Русское слово «бунтовщик» происходит от немецкого

⁹⁴ Гравюра на меди Альбрехта Дюрера «Melencolia I» (1514).

⁹⁵ См. примеч. 29.

«Bund»⁹⁶. Если мятежник, смутьян, возмутитель может быть одиноким, то слово «бунтовщик» подразумевает многочисленное общество.

Впрочем, эта фраза психологически не совсем точна. Подразумевается, конечно: «Русский устроен бунтовщиком». Стало быть, его миссия заключается в том, чтобы сокрушить культуру трех созвездий. То, что в католическом культурном пространстве карается как величайшее преступление, то для русских — «призвание», героизм.

*

В России пожалуй что и нет предпосылок для господства унаследованных ветхозаветных законов с антропоморфным Богом-Отцом как Верховным Существом, символом и моделью. Русские в массе своей не из того теста созданы, чтоб сделаться заботливым и трезво работающим отцом семейства (с кое-как собранным доходом), а скорее уж — степным разбойником.

*

Пираты — в эпоху господства отцовского права они словно бы воплощение прометеевского элемента. Как монашество в католицизме, как друиды etc. Они опять внесли *боль* в этот балаган. («Не по законам права» — вопреки справедливости и ее опасностям).

*

Fraternité — égalité — горизонтальные.

Liberté — это не брак, это не долг. Жизнь среди людей, не отшельничество.

Невыносимость холодной, высокомерной критики Шпенглера.

*

То, что в Европе — плоский материализм «Просвещения», то в России — исполнение ее исконного духовного предназначения: деятельность для земли и на земле, позитивизм, реализм, обращенный исключительно к человеку и исключительно в сей земной жизни.

⁹⁶ Согласно словарю М. Фасмера, русское бунтовщик действительно происходит — через польское «bunt» — от немецкого «Bund» (союз) (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 241).

*

Равные возможности учиться для всех детей, конечно, в зависимости от их одаренности и т. д. Для перехода от частного капитализма к государственному идеолог декабристов Павел Пестель отводил десять лет. В любом случае, понять то, что все отчетливее проступает сейчас наружу как новая русская иерархия, немислимо без понимания этого человеческого типа. Людей, для которых имущество и иерархия наследования не имеет определяющего значения. Всей русской интеллигенции, не только декабристам, не без основания приписывают тенденцию к созданию чего-то вроде духовного ордена, к светскому монашеству — с обетом, приносимым себе самому.

*

В этом предложении 1871 года: «Он и есть мой сын»⁹⁷ — то есть в действительности именно «мой сын», а не сын Ставрогина, потому что я буду для этого ребенка отцом, — сокрыт ответ на главный вопрос:

Кто является «отцом»? Зачавший или воспитавший?

Это революционное решение в пользу воспитателя — для меня в этом и состоит сокровенная сущность революции. Все сокрушение сословий, все потрясения мирового рынка, «Советы» в противовес патриарху — все это только следствия, а не причина, как мне кажется.

*

Нигилизм — разрушил старую форму, то есть чуждую форму. «Большевизм» — *это новое содержание*. (Конечно не коммунисты и прочие еврейские пособники материальной стороны дела — но Ленин, Ленин, Ленин).

*

Как мог Достоевский написать Великого Инквизитора??!!

Уф! В стотысячный раз:

Оттого что Великий Инквизитор — типично русское явление. И носит сегодня имя Ленин.

*

На реке... Как внятно звучит из всех произведений Достоевского все нарастающий гул — это живой поток исконно русского [Urrussentum] взламывает свой европейский ледяной покров.

⁹⁷ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 452 («Бесы», ч. 3, гл. 5).

7 апреля

Лу⁹⁸ утверждает: если говорить, что большевизм придет, придет, то он действительно придет. Говорить так, по ее мнению, безволие, безответственность и т. д.

Сравни: это безволие — говорить, что пойдет дождь: мы его *предчувствуем!* Борются против приближающегося дождя — на практике это выглядело бы как достойная гувернанток истерия «Deutsche Tageszeitung»⁹⁹, в которой только и бранятся: «этого не будет, этого быть не должно, это было бы подло, а те, которые это предчувствуют, трусы, предатели отечества и т. д.». Если мы не боремся против дождя, то происходит это оттого, что мы слишком интенсивно предчувствуем «великого Всадника».

Очень важно: Мёллер говорил, что в этом движении (как петрашевцы) участвуют только неженатые — именно *рагнарёк*¹⁰⁰.

Пустоцветы — консервативны.

Фридлендер¹⁰¹: «Жена, ребенок, имущество суть принадлежности мужчины». Очень хорошо. Очень ответственно. Рагнарёк так *никогда* бы не сказал, но и никогда не унизил бы женщину до простого атрибута мужчины. Он, скорее, сам назовет себя атрибутом женщины.

*

Славянская пословица: «Дом стоит не на земле, а на жене».

*

В нашем доме, *disons*, внутри пока еще очень тепло и все в порядке. Но снаружи? Снаружи «поток» (истории) уже ужасающе подрыл высокий берег, на котором стоит дом. И дождь все идет и идет, и никто не может сказать, как долго еще будет лить дождь, — и не следует ли в ближайшее время ожидать наводнения, еще никог-

⁹⁸ Люси Мёллер ван ден Брук, сестра Лесс Кэррик.

⁹⁹ Немецкая ежедневная газета.

¹⁰⁰ Миф о Рагнарёк, конце мира, гибели богов, упоминается, в частности, у Шпенглера (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Bd. 1 (1920). S. 606*; рус. пер.: *Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 623*). В данном случае употреблено для обозначения представителей культурного типа, характеризующегося данным мироощущением.

¹⁰¹ Бенедикт Фридлендер (Friedlaender, 1866–1908) — зоолог, социолог; автор многочисленных исследований по истории концептуализации сексуально-эротических проблем; ранний идеолог «меннербундов» (мужских союзов). См.: *Friedlaender B. Die Liebe Platons im Lichte der modernen Biologie. Gesammelte kleinere Schriften. Treptow bei Berlin, 1909*; также: *Renaissance des Eros Uranios. Berlin, 1904*.

да небывалого наводнения? Ночные бомбежки над святынями этой культуры — разве это не стук в дверь дома (хижины или дворца), призывающий выйти из стен и снаружи оглядеть берег, землю, почву, на которой стоит дом = хижина = дворец?

Конечно, выйти из дому — это неудобно, страшно «неуютно»... Ух, какой холод! Нет, лучше смахнем пыль с безделушек и останемся у горящего камина.

*

Достоевский, как Ной, видел приближающееся наводнение и в отчаянии соорудил свой ковчег. В чем бы тут ни было дело: то ли вода поднималась быстрее, чем он строил, то ли он, как *русский*, вообще *не в состоянии был выстроить крышу* (крыша — это мировоззрение; русский — это нигилизм), — во всяком случае он вскоре сидел в своем ковчеге *без крыши и без строительных материалов*.

Но мог ли он надеяться на то, что *без крыши* сможет спасти свой ковчег вместе со всем его содержимым во время потопа? — Нет. Без крыши все его сооружение залило бы ливнем.

Но где же взять крышу? Если нет материала? Если, как *русский*, ты его не имеешь? — Тут было возможно только последнее отчаяние, *сознательная смерть*. А о ней Идиот говорит в своих рассуждениях о смертной казни: «Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это...»¹⁰² (быть казненным, то есть в полном сознании встретить смерть) и т. д., и т. д.

Поэтому ему оставалась *только надежда на чудо*: что если Бог пошлет мне крышу?

Вот так он и стоял в своем ковчеге без крыши, выбирая между *сознательной смертью* (которую человек — читай: русский — «не в состоянии вынести») и «верой в чудо» (Христос — Сын Божий на земле), в которой «нельзя верить».

И я *знаю*, почему он, как *русский*, в этой муке выбора охотнее склонялся к вере в чудо.

*Перевод, вступительная заметка
и примечания Г. Е. Потаповой*

¹⁰² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 21 («Идиот», ч. 1, гл. 3).